

Ткач О.

Патриархат по-советски, или большая семья на большом экране

Введение

Патриархат – одно из понятий, которое активно используется исследователями гендерных проблем и проблем феминизма. Оно описывает такой гендерный порядок, при котором «одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчины)» (Миллетт, 1999: 120). Иными словами, женщины занимают в обществе подчинённое положение и подвергаются постоянному притеснению и дискриминации со стороны мужчин.

У современного российского обывателя слово «патриархат» может вызвать всевозможные ассоциации, связанные в большей степени со средневековой «домостроевской» Русью. Образ советской семьи - та или иная его разновидность - вряд ли встанет в ряд с этими представлениями. Значит ли это, что гендерный порядок советского общества был свободен от патриархат(ль)ной идеологии?

Как отмечает специалист в области гендерных отношений в России Сергей Кухтерин, советскую государственную политику в отношении семьи характеризовала комбинация традиционализма и радикализма (Kukhterin, 1996: 81). С одной стороны, революционный лозунг «отречёмся от старого мира» означал, в том числе, разрыв с традиционным патриархальным семейным укладом. Одинаково отрицались как устаревшие и отжившие некоторые черты традиционной русской крестьянской семьи (с её патриархальными установками, иерархией поколений, тесными родственными связями и т.п.), и, одновременно, всё, что было типично для семьи дворянской и буржуазной (например, возможность облегчения домашнего труда за счёт «домашней помощницы» или обязательность ответственности мужа за содержание семьи и жены и т.п.) (Пушкарёва, 1997: 192). Провозглашение рабочего класса авангардом нового общества с необходимостью расставляло акценты семейной политики государства. Её приоритетом стала семья рабочих, равноправный союз «пролетарки и её товарища и верного соратника в борьбе за лучшее будущее» (Коллонтай, 1999: 177).

С другой стороны, нельзя не отметить, - и на этот момент обращают внимание исследователи, - что «культура рабочего класса, который «сделал революцию» была исключительно маскулинной культурой, умышленно и последовательно исключавшая участие женщин и обесценивавшая их вклад в общее дело» (Koenker, 1995: 1438-9). Не удивительно, что класс определяется в терминах маскулинности (там же, 1464), поскольку сами мужчины-рабочие создавали очевидные связи

между своей работой и маскулинной гендерной идентичностью (Maynard, 1989: 160). Отлаженная, отшлифованная в России веками, патриархатная система могла и должна была работать на советский режим. Единственное условие: идеологическое подкрепление мужского доминирования. Миф об исторической миссии рабочего класса с успехом выполнял эту функцию.

Попытку соединения радикальных марксистских и традиционных российских ценностей в гендерной политике советского государства можно проследить на примере популяризации в 1950-80-е гг. образа большой счастливой и дружной семьи, где несколько поколений одного рода не только мирно сосуществуют под одной крышей, но и совместно работают на одном заводском предприятии. Среди способов популяризации такого типа семьи - рассказы в различного рода СМИ (газетах, книгах, фильмах) о жизни больших многопоколенных семей - рабочих династий. Представляется возможным выявить специфику «советского патриархата» с помощью дискурс-анализа официальных советских текстов, посвящённых рабочим династиям. В качестве анализируемого текста был выбран наиболее известный художественный фильм советского периода по данной тематике - «**Большая семья**» (1954 год, режиссёр - И.Хейфиц), в главных ролях: С.Лукиянов, Б.Андреев, А.Баталов, К.Лучко, П.Кадочников. В статье делается попытка рассмотреть и проанализировать фильм (а также некоторые, релевантные теме фильма, тексты газетных статей и популярных сборников) через анализ дискурсивного воспроизводства гендерных ролей и иерархий в семье, способов реконструирования патриархатного типа семьи.

Структура статьи следующая. В начале прослеживается траектория советской политики в отношении семьи и место в ней многопоколенной рабочей семьи. Далее рассматривается, каким образом данный тип семьи популяризовался в советском дискурсе. И, наконец, осуществляется попытка анализа фильма, как примера идеологического конструкта, закрепляющего канон повседневных взаимодействий между мужчинами и женщинами в рабочей семье.

«Дорогой отцов»: новшество или традиция?

«Рабочий я, сын рабочего, а такой мне почёт и уважение. Отец перед смертью мне говорил: «Не подводи батьку, сынок!» И я доволен, прежде всего, тем, что не подвёл отца. Марку завода свято в руках держал, и город свой не опозорил. Посмотрел бы сейчас отец...» (Никольская, 1975: 3). Подобный монолог в середине 70-х гг. могли бы, пожалуй, произнести тысячи советских рабочих. Интересно, что лишь за несколько десятков лет до этого, в довоенный период, главный советский идеолог коллективизма Антон Макаренко усматривал большую опасность в подобного рода семейственности:

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу, и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребёнка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях просто невозможно никакое отцовское усмотрение (Макаренко, 1940: 18-19).

Попытаемся найти объяснение такому повороту. Любой расклад семейных ролей используется правящими элитами для удовлетворения их макроэкономических интересов, что, так или иначе, предполагает прагматическое вторжение в частное пространство брачных партнёров (Малышева, 2001: 228). Гендерные отношения в советской России можно определить, скорее, как «гендерный треугольник»: отношения между государством, женщиной и мужчиной. «Государство» поставлено на первое место не случайно. В современной литературе - российской и зарубежной, - посвящённой изучению семейной политики, нередко можно встретить словосочетание «советский эксперимент», которое подразумевает, что в послереволюционной, а затем в советской России формировались качественно новый тип семейных отношений. Действительно, трудно иначе назвать продолжавшийся с декабря 1917 - с принятием Декрета СНК «О гражданском браке» - до начала 1930-х гг. процесс дефамилизации - дезорганизации традиционного брачно-семейного уклада. В этот период государством был осуществлён ряд шагов по уничтожению частной собственности как конституирующего признака дореволюционной патриархальной семьи; передаче воспитательных функций в ведение яслей, детских садов, школ, молодёжных организаций; расширению сферы социально-бытового обслуживания населения; обеспечению экономической и юридической независимости между полами; установлению нового типа брачных отношений - «отношений товарищества». Со второй половины 30-х гг., с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов...» опека государством семьи приобрела другие очертания.

Построение взаимоотношений государства и семьи, начавшиеся в России в 30-х гг., по мнению английской исследовательницы Сары Ашвин, следует назвать «попыткой создать специфическую советскую семью, которая вместо того, чтобы служить «консервативным оплотом старого режима», стала бы **функциональной единицей** (выделено мной – О.Т.) новой политики» (Ashwin, 2000: 9).

Ослабление института брака в основном посредством уничтожения частной собственности, социальной эмансипации женщин привело к тому, что российская семья потеряла не только моральные и религиозные ориентиры, но и была лишена главы домохозяйства. Традиционное распределение гендерных ролей в семье, где мужчина занимает главенствующее положение, было поставлено под сомнение, но в то же время не предполагавший никаких обязательств «брачный союз женщины-работницы с её товарищем - рабочим», за который ратовала в 1920-х гг. Александра Коллонтай, себя не оправдывал. Советскому государству понадобился, своего рода, «great retreat» в сфере семейной идеологии. Новая политика требовала подчинения семейных отношений неким императивам с целью эффективного использования государством гендерных ресурсов семьи. Сфера интимности, сексуальности, приватности, вся сфера семьи и любых проявлений нетипичности, индивидуальности превращается в полигон борьбы за норму, где главным критерием служит **социальная полезность** (выделено мной – **О.Т.**), а не достоинство человека (Ярская-Смирнова, 1998: 7).

Для успеха массивных процессов индустриализации, коллективизации, урбанизации конца 20-х - начала 30-х гг. были недопустимы спад рождаемости, рост числа аборт, детской смертности и бродяжничества. Так, параллельно с образом политически активной, самостоятельной женщины-борца дискурсивно формируется и другой образ фемининности: женщины - матери, жены, хранительницы семейного очага. В свою очередь, мужчина, не заботящийся о семье, детях, не являющийся авторитетом для них начинает рассматриваться как «морально неустойчивый», игнорирующий «принципы коммунистической морали».

Возврат старых семейных традиций, приобретших новое лицо, могли, в определённой степени, гарантировать социально-экономическую стабилизацию общества. Как отмечает российская исследовательница Марина Малышева,

в плановой экономике, более ригидной с точки зрения организации производства, можно получать дивиденды из сохранения традиционных союзов с устоявшимся разделением труда между мужчинами и женщинами, поскольку почти весь спектр сервиса и услуг, связанный с проблемами организации быта семей, превращён в сферу неоплачиваемой домашней деятельности, выполняемой преимущественно женщинами. Затраты на организацию публичного сервиса минимизированы до предела и государство решает эту проблему, не вкладывая существенных средств в удовлетворение каждодневных физиологических потребностей людей (Малышева, 2001: 228).

Оказалось, что традиционное распределение гендерных ролей в семье (мужчина - хозяин и добытчик; женщина - домохозяйка, верная жена и мать) может быть достаточно целесообразным и в условиях строительства коммунизма. Главное - суметь найти этому распределению определённые, не противоречащие идеям революционной борьбы основания, описать их в основных терминах провозглашённой коммунистической морали. Данный подход становится ещё более привлекательным для государства в пост-хрущёвский период, когда отказ от массового террора как инструмента управления потребовал от советского государства поиска новых способов обеспечения стабильности общества.

Зарубежные и российские исследователи (Lapidus, 1977; Голод, 1998; Мацковский, 1986 и др.) отмечают, что эмансипация советских женщин (участие в общественном производстве; возможность инициирования разводов и т.д.) привела к дестабилизации функций института семьи в СССР в 1960-70-х гг.. Она выражалась, прежде всего, в снижении рождаемости, резком возрастании числа разводов, и, тем самым, в обострении демографической ситуации в стране. В то время как залогом устойчивости социалистического общества могла стать только прочная семья. Закономерно, что в рассматриваемый период государством принимается ряд мер по увеличению рождаемости (увеличение декретных отпусков, повышение денежных пособий на детей и т.д.). Создавая социальную базу для формирования стабильных семейных союзов, государство пыталось неким образом задействовать и внутренние резервы семьи – традиционные ценности, чёткое распределение гендерных ролей.

Социальная политика, направленная на поддержку или укрепление семьи, предполагает, по меньшей мере, три составляющих

- мероприятия по воспитанию и заботе о детях;
- поощрение пожизненных (life-long) брачных союзов, осуждение разводов;
- поощрение взрослых детей к ответственности за своих пожилых родителей (Finch, 1996: 193).

Получившие распространение в 1960-70-х гг. и в городских, и в сельских условиях двух- и трёхпоколенные семьи, рассматривались как возможные проводники такой политики. Разновидностью семьи, ставшей одним из оплотов советского режима, но сохранившая во многом черты старой патриархат(ль)ной семьи стала, так называемая, семья – рабочая династия. Начиная с первых пятилеток советской индустриализации, многопоколенная рабочая семья, представители каждого поколения которой работают на одном предприятии, приобрела особый статус на цеховом и заводском уровнях. Рабочая династия презентуется как один из социально одобряемых, публично озвученных типов семейной организации. Кроме того, если общественная роль женщины (работницы

или/и матери) всегда активно озвучивалась в советском дискурсе¹, то, возможно, роль мужчины-отца признавалась значимой лишь в связи с упоминанием данного типа семьи. Рабочая династия, рабочий род, представленный линией «наследования» занятости на предприятии по мужской линии, чаще всего являл собой примеры мужского, отцовского воспитания молодёжи в семье и на фабрике (институт наставничества на заводах в большинстве своём пополнялся за счёт потомственных рабочих). Эта роль «династических» рабочих озвучивалась на разных уровнях, в том числе, и на государственном. Среди многочисленных обращений Л.Брежнева к советским рабочим встречаются также упоминания рабочих династий:

*И очень важно, что <...> кадровые рабочие, потомственные трудовые семьи проявляют **отеческую заботу** (выделено мной - **О.Т.**) о достойной смене, помогают ей овладеть мастерством, приобретать необходимый опыт (Брежнев, 1978: 470).*

Возвращаясь к идее «гендерного треугольника», на примере прославления рабочих династий можно проследить, каким образом государство пытается «управлять своими гражданами через глав семей» (Миллетт, 1999: 127), то есть, мужчин, делегируя им, таким образом, часть функций по контролю, воспитанию и заботе о женщинах и детях.

В 70-80-х гг. изучение рабочих династий становится предметом исследований как советских, так и зарубежных социологов (Коростелёв, 1987; Pravda, 1982; Lane, 1981). Например, Г.Коростелёв с коллегами, занимавшимися изучением роли рабочих династий в производственной и общественно-политической жизни заводских коллективов, пришли к следующему выводу:

*Не отрицая в целом социально-экономической необходимости мобильности молодёжи, следует отметить, что нередко непродуманная пропаганда «счастья дальних дорог», «романтики непоседливых» приводит к неоправданно высокой миграционной подвижности молодёжи, её **раннему разобщению с семьёй** (выделено мной – **О.Т.**) со всеми вытекающими из этого последствиями (высокая текучесть молодых рабочих кадров, различные антиобщественные проявления).*

Отъезд детей в другой населённый пункт, как правило, означает резкое уменьшение социальной ответственности за них родителей. В связи с этим усилия старших поколений семей-династий, направленные на профессиональную ориентацию своих детей – на поиск места учёбы и

---

¹ Доминирующий гендерный контракт, сформировавшийся в советской культуре, - контракт «работающая мать» (Здравомыслова, Тёмкина, 1999: 86-87).

приложения труда в том же городе, на том же предприятии, где работают они сами, стремление сохранить своё влияние и на послешкольный период становления подрастающего поколения, - можно расценивать как показатель высокой социальной зрелости этих семей (Коростелёв, 1978: 131).

Парадоксально, но зависимость взрослых детей от родителей, их иммобильность, несамостоятельность в выборе жизненного пути, неколебимость родительского авторитета представляются как признаки полноценности и устойчивости рабочей семьи. Так династичность рабочих семей превращается в неартикулированную, неформализованную социальную обязанность. Сын или дочь рабочих, покинувшие маленький заводской городишко и рискнувшие поступить в столичный вуз, здесь будут оценены скорее как девианты, нежели как люди с амбициями и высоким социальным потенциалом. Устранение межпоколенческого разрыва в рабочих семьях, формирование убеждения о том, что «в революционном классе не может быть проблемы «отцов и детей»» (Лебедева, Хабибулина, 1972: 48) требовало привлечения различных способов пропаганды такого семейного уклада, в том числе, репрезентации в визуальной культуре.

Биографизация как способ пропаганды стабильной советской семьи

Биография рабочей династии – это биография советского рабочего класса, история его подвигов, свершений, культурного роста, история рождения его нового поколения – поколения всесторонне развитых людей, впитавшего в себя и преумножившего лучшие черты рабочего класса – ведущей силы общественного развития

Из сборника «Советский рабочий класс. Традиции и преемственность поколений», 1972 г.

Для популяризации семей - рабочих династий требовалось возведение историй их жизни в ранг образцов для подражания. Массовая биографизация, а главное - требование максимальной открытости индивидуальной биографии для коллектива предоставляли возможности для такой популяризации.

Потребность в общественном порядке и стабильности, необходимость профилактики и предотвращения различного рода

социальных трений и конфликтов, кроме всего прочего, связывались с установлением неких советских традиций, ритуалов, которые бы пронизывали и производственную и внепроизводственную сферы жизни общества. Одной из таких традиций можно назвать биографизацию, нацеленной на субъективацию (или индивидуацию) советского человека. Йохен Хэллбек отмечает, что создание в массовом масштабе инициированных сверху политически корректных биографий было, вероятно, наиболее устойчивым эффектом довоенного советского режима. Автор относит к субъективизирующим практикам дискурсивного воспитания социально сознательного индивида политическую агитацию, образовательную политику, разнообразные стратегии перековки классовых врагов (Hellbeck, 2001: 342).

Действительно, зарождение этой традиции началось с первых послереволюционных лет, и рассматривалось, скорее, как способ классовой идентификации, достижения признания у тех или иных социальных групп. Вчерашнее сословное общество было объявлено классовым, однако отсутствие твёрдых критериев социально-классовой принадлежности обеспечивало волюнтаризм в установлении классовых границ. По словам американской исследовательницы Шейлы Фитцпатрик, в 1920-х гг. в России «генеалогический» метод был наиболее популярен в определении социальной позиции (Fitzpatrick, 2000: 28-9). Метод подразумевает рассмотрение социального статуса родителей как основного индикатора классовой принадлежности индивида. Очевидно, что в этом случае индивидуальная биография, которая отражала историю происхождения, то есть историю семьи, рассматривалась не как рассказ о личной жизни, а становилась необходимым условием идентификации человека как «классово близкого» или «классово чуждого». На стратифицирующий характер биографии рабочего в условиях промышленного производства указывает С.Коткин:

Для советского рабочего роль важного ритуала в определении его места среди других играла его трудовая биография, и среди наиболее важных её деталей было время и место начала трудового пути. Для рабочих было обычным делом похваться друг перед другом тем, кто начал работать в более раннем возрасте: в пятнадцать, в двенадцать лет и т.п. Наибольшую ценность приобретал первоначальный трудовой опыт, приобретённый в промышленности, особенно на каком-либо из старых и известных промышленных предприятий, таких как Путиловский завод (переименован в Кировский) в Ленинграде, или Гужон (переименован в «Серп и молот») в Москве. Особенно чванился тот, кто мог проследить свою пролетарскую родословную от отца до деда и даже прадеда. Так, предметом гордости могло быть происхождение из «династии операторов доменной печи» Павла Коробова, ученика оператора доменной

печи, который в 1937 году в результате головокружительного «выдвижения» превратился в директора Магнитогорского комбината (Коткин, 2001: 271).

Помимо того, что озвученная биография социально стратифицировала людей, она также была призвана выполнять воспитательные функции. Имеется в виду биография как образцовый пример. Исследователи выделяют два типа советских субъективизирующих практик (практик индивидуации личности) - «работу над собой» и «идентификацию с героем» (Kharkhordin, 1997: 231-78). Выбор личного героя и подражание ему в повседневной жизни могли распространяться и на семейные паттерны поведения. В многочисленных книгах советов о семейном воспитании предлагалось «делать жизнь» своей семьи с семей Ленина и Крупской, Сталина и Аллилуевой, Маркса, Карла Либкнехта, Олега Кошевого и т.д. В таком случае публичное озвучивание жизни «образцовых» семей становилось средством научения и контроля семьи как социальной группы, которая может иметь антиколлективистский, антигосударственный потенциал. Однако в качестве образцов для подражания могли быть предложены не только семьи недостижимых «вождей-небожителей», но и семья простого рабочего, трудящегося за соседним станком.

Постановление ЦК ВКП (б) от 10 октября 1931г. инициировало создание серии сборников «Истории заводов», позже получившей название «Истории фабрик и заводов». Публикации этой серии раскрывают ведущую роль рабочего класса в социалистическом обществе. Уже в 30-е гг. был издан ряд сборников, исторических очерков, книг о новаторах, рационализаторах, стахановцах. Одним из тематических разделов подобных сборников был раздел «Трудовые династии».² В рамках литературной серии «История фабрик и заводов» акцент делался на том, что «рабочие сами могут не только делать, но и писать историю своих предприятий». Этот тезис касался не только истории предприятий, но и историй рабочих семей. С середины 1950-х гг. в свет стали выходить сборники историй семей - рабочих династий и автобиографии, написанные самими рабочими.³ Так, образцовой объявлялась биография «простого

---

² См. например, Ефремова И. (1974). История фабрик и заводов Горьковской области. Горький. Первое упоминание о рабочих династиях в данном сборнике относится к 1949 году; Шитов М. (1978). Текстильщики с Выборгской. История прядильно-ниточного комбината «Красная нить». Л., Лениздат.

³ См. например, Рабочие династии Урала (1977). Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во; Династии механизаторов (1980). М., Профиздат; Рабочие династии. Сборник очерков (1976). Уфа, Башкирское книжное изд-во; Рабочие династии Приднепровья (1986). Днепропетровск, Промінь; Династии строителей (1979). Киев, Будівельник; Дорогой отцов. Очерки о рабочих династиях (1960). М., Молодая гвардия; Рабочие династии (1975). М., Московский рабочий; Династии, возвеличенные трудом (1972). Донецк, Донбасс.

рабочего от станка». Это означало, что героем мог стать каждый, кто пошёл на завод «дорогой отцов»:

- Какая у Вас завидная биография! Скольких людей сделать строителями, да ещё какими! Их имена, как и Ваше, знают у нас все, ими гордятся, с них пример берут, как и со всей вашей семьи строителей.

Такова она – новая династия – рабочий род, не государев – династия строителей Артеменков, как и миллионы рабочих династий Советской страны. Это они умом своим, трудовыми руками своими каждодневно и непосредственно создают материально-техническую базу коммунизма, примером своим, теплом сердец воспитывают нового человека. Они и управляют своим государством, без всяких «династий» правителей (Кравченко, 1979: 18).

Кроме того, сборники изобиловали фотографиями с изображением членов семей. Чаще всего это были изображения отца с сыном, реже - всех родственников, образующих династию (см. Приложение). Указанные источники имели достаточно узкое хождение: среди заводских рабочих, посетителей заводских музеев, библиотек (зачастую эти категории читателей совпадали).

Пропагандистская функция биографий рабочих и членов их семей достаточно активно стало использоваться в постсталинскую эпоху с ростом общего консерватизма советского общества. В официальном дискурсе в этот период активно понимаются «вопросы, связанные с пропагандой тех или иных трудовых начинаний и традиций» (Гарфутдинов, 1978: 48). Установление взаимосвязи трудовых и семейных традиций оказалось ещё более привлекательным инструментом семейной политики. Английская исследовательница Крислел Лейн, анализирующая феномен советских трудовых династий как один из трудовых ритуалов, получивших распространение в советской рабочей среде в середине 60-х гг., обращает внимание на то, как на советском заводе проводились праздники чествования рабочих династий:

На праздниках семейная история рассказывалась с привлечением иллюстраций и документов. Члены семьи рассказывали о своей жизни и трудовых достижениях. Иногда члены семьи даже инсценировали их семейную историю, воспроизводя наиболее драматические эпизоды. <...> Проведение «династического» вечера могло также включать организацию выставки промышленных продуктов, произведённых членами династии, и «семейных ценностей», таких как медали, ордена, дипломы и призы (Lane, 1981: 116).

Подобные инсценировки были крайне редки, и, повторимся, ограничены рамками отдельного завода. Иное дело – кинематограф, доступный всем слоями населения. Политически ориентированное

советское киноискусство, идя рука об руку с государственной идеологией, создавало также общественно значимые образы семьи. Исследователь советского кино как инструмента пропаганды Питер Кенез обращает внимание на взаимосвязь между советским киноискусством и идеологией. Уже со второй половины 1920-х гг. советская киноиндустрия становится достаточно эффективным и значимым компонентом политической «образовательной» системы (Kenez, 1992: 247-8). Ленинское «важнейшим из искусств для нас является кино» означало, прежде всего, ставку на массовость кинематографического искусства, в отличие от литературы или даже прессы, на способность кино научить действовать, мыслить и «говорить по-большевистски» (Kotkin) все слои населения, включая крестьян.

Кино – самая эффективная и массовая агитка, которую, несомненно, можно проанализировать как текст. Среди советских фильмов, так или иначе касающихся темы рабочих династий, семейственности в рабочей среде, можно назвать «Испытание верности» («Мосфильм», 1954г., реж. И.Пырьев), «Высота» (1957г., реж. А.Зархи), «Застава Ильича» (1965, реж. М.Хуциев), «Весна на Заречной улице» (Одесская киностудия, 1956г., реж. М.Хуциев). В ряду этих работ фильм «Большая семья» можно назвать программным.

Рабочая династия в советских текстах: гендерный режим

«**Большая семья**» - художественный фильм в жанре социально-психологической драмы, снятый на «Ленфильме» режиссёром Иосифом Хейфицем (1905-1995) по роману Всеволода Кочетова «Журбины».⁴

Действие фильма происходит в середине 50-х гг. XX века на одном из речных судостроительных заводов, возникших на месте деревенского поселения. В первых кадрах фильма показаны два мира: старый - мир покосившихся деревянных изб и пришвартованных у берега самодельных лодок и шхун, и новый - мир огромных железных кораблей-гигантов - результат труда сотен рабочих завода. Мы видим завод в период структурных преобразований, нацеленных на внедрение новых производственных методов, а также замену старых рабочих профессий более современными, требующими серьёзных теоретических знаний и подготовки. Тем не менее, чёткое разграничение миров создаёт впечатление их преемственности, непрерывности, взаимосвязи: маленький мальчик, пускавший когда-то бумажные кораблики в весенней талой воде, теперь работает на стапеле⁵, а с ним - его дети и внуки.

---

⁴ В фильмографии И.Е.Хейфица «Большая семья» отмечается кинокритиками как одна из лучших работ режиссёра. В 1955 году на VIII Международном Каннском кинофестивале фильм был удостоен премии за лучший актёрский ансамбль.

⁵ Стапель – наклонный помост или фундамент на верфях для постройки, ремонта судов и спуска их на

Сюжет фильма в основном разворачивается на фоне одних и тех же декораций: заводских цехов и стен старого деревенского дома. Это те два измерения, в которых протекает жизнь главных героев фильма - семьи Журбиных. Глава семьи – Матвей Дорофеич, дед Матвей; второе поколение династии – сын Матвея Илья и его жена Агафья; третье – дети Ильи Матвеевича и Агафьи Карповны: четверо сыновей – Виктор, Антон, Константин и Алексей и дочь Антонина. Семья состоит из одиннадцати человек, восемь из которых, за исключением жены среднего Журбина и их младшей дочери, работают на заводе. В династию входят не только рабочие, занятые квалифицированным физическим трудом, но и старший мастер (Илья Журбин), инженер с высшим образованием (Виктор), кандидат наук (Антон). Рабочий класс в данном случае понимается в расширительном смысле - все те, кто занят в материальном производстве, значимом для индустриального общества. Набор профессий, которыми владеют члены семьи таков, что «они одни всей семьёй корабль построить могут». Династия представляет собой микромодель заводского коллектива в целом.

Начинается фильм рождением одиннадцатого Журбина, сына Кости и его жены Дуни, названного в честь прадеда Матвеем. «Ещё один Журбин со стапеля сошёл», - восклицает один из зевак, по-деревенски собравшихся обсудить известие. Герой использует производственную лексику при описании процесса деторождения, тем самым, показывая, что заводской труд является конституирующим видом деятельности для семьи. Любое проявление семейной активности возможно лишь в рамках приобретения полезности для завода. Можно ли в таком случае рассматривать внутрисемейные отношения как родственные, а семейные роли – отделить от внесемейных?

Рабочие-патриархи

Главой семьи зрителю представляется отец Ильи Журбина – Матвей Дорофеич. Здесь скорее можно говорить о ритуальном, символическом главенстве, поскольку именно на образе деда Матвея замыкаются все знаки патриархального порядка в семье. С его фигурой связаны не только практики мужского доминирования и авторитета, но и предметно-вещная среда и семейные предания, отражающие легендарное прошлое рабочего рода. В этом смысле, показательна сцена передачи дедом Тоне, выпускнице школы, бабушкиного наследства – бус из старой шкатулки, и рассказа семейного предания. Культ предков в семье проявляется также и в том, что дед Матвей признаётся носителем эксклюзивного знания и опыта, что даёт ему право учить жизни сына и внуков, и гарантом справедливости (слово деда выступает истиной последней инстанции в семейных спорах). Интересно, что если в фильме конструирование

высшего положения родоначальника династии в семейной иерархии требует демонстрации набора соответствующих образов и значений, то в текстах этот статус проговаривается буквально:

Это был Павел Петрович Орлов, самый старший из большой семьи Орловых. Дети и внуки так и называли его – «патриарх» (Гладкова, 1960: 130).

Как глава рода, Матвей Дорофеич презентует себя и как один из наиболее почитаемых людей на заводе. Полувековой заводской стаж, революционное прошлое, но, главное, основание рабочей династии, - создают его место в неформальной иерархической структуре работников завода. Семья, главой которой является родоначальник династии, расширяется до заводского коллектива. «Ты всему заводу дед Матвей», - признаётся ему директор предприятия. «Родственная» связь с заводом ставит Матвея Дорофеича даже выше директора, позволяет поучать и его, конкурировать с ним по степени авторитета у рабочих. Не случайно, уже будучи 77-летним стариком, Матвей Журбин не выходит на пенсию, а устраивается работать ночным сторожем в директорский кабинет (должность, придуманная специально для него), что, пусть и неформально, но ставит деда Матвея на уровень директора завода.

Поскольку главенство Журбина-старшего в семье фактически неартикулировано, складывается впечатление, что семью возглавляет его сын. Именно Илья Матвеевич протестует против территориального разделения семейного клана, не смотря на то, что завод предлагает членам семьи отдельные квартиры. «Да нечего со старого гнезда подыматься. Разобьют семью, рассуют по этажам, вот тебе и будет «труба»», - восклицает он. Вероятно, разделение семьи на квартиры лишило бы его сферы реализации властных функций. Распад большой семьи на малые домохозяйства пугает Илью почти так же, как заводская реструктуризация, которая ставит под сомнение авторитет стариков как авторитет опыта и уступает место авторитету знаний, образования, то есть, молодых рабочих. Ни под каким предлогом Илья не готов поступиться своим авторитетом ни в семье (разве что разделить его с отцом), ни на предприятии. Интересно посмотреть, какие стратегии использует Илья для сохранения своей востребованности на предприятии в период модернизации. В частности, он прибегает к различным уловкам, прячась от своей жены, чтобы получить несколько теоретических уроков у Зины Ивановой - дипломированного технолога. Признавая временное превосходство другой (не принадлежащей к клану) женщины, Илья Матвеевич пытается, тем самым, сохранить своё превосходство в семье, не поставить его под сомнение.

Илья Журбин постоянно вербализует свою принадлежность к династии, своё положение главы семьи: «А я шестнадцать кораблей

построил! Я Журбин, понимаешь? Журбин!»; «Я глава этому семейству, я так скажу...». Маскулинная (мужская) идентичность тесно переплетена или даже отождествляется с рабочей. Сыну Алексею, который «вдруг» передумал жениться, он гневно бросает: «Чего? Не марай честь рабочую! Не водилось до тебя ещё подлецов среди Журбиных!» Достаточно сложно определить, что больше роднит Илью с его сыновьями: семейная или классовая принадлежность.

Занятость всех четырёх сыновей на предприятии – его особая, мужская гордость, результат отцовского воспитания. В случае рабочей династии зависимость детей от родителей в большей степени связана с вопросом наследования профессии или занятости на предприятии. Появление на свет маленького Матвея предопределило его судьбу. Илья Журбин не сомневается: «Рабочий человек родился, могильщик капитала». За несколько лет до этого он привёл на завод своего сына Алексея. Своей невесте, Кате, Алексей рассказывает это так: «Окончил семь классов. Война шла, отец сказал: «Подсобить заводу надо». Вот так и стал рабочим, как говорит батя, «могильщиком капитала»». Выше уже шла речь о превращении династичности рабочих семей в их социальную обязанность. Авторитет отца в семье становится чрезвычайно важным в случае возможного конфликта, опасности прекращения воспроизводства династии:

Тихон Сергеевич любит рассказывать историю, как из старшего сына «не получился» химик. В 1937 году окончил Михаил девятый класс и поступил работать в цех серной кислоты. Только начал замечать отец, что у парня чем-то другим голова забита. Оказалось, Михаил мечтает стать военным лётчиком. Состоялся семейный совет, на котором каждый высказал своё мнение.

- Брось эти штучки! – горячился отец. – Ты рабочий, химик. Тебе другие науки изучать надо. Я хочу, чтобы старший сын встал на место отца. Слышишь?

К отцу присоединилась мать. Не стал сын перечить. «Ладно, батя, не буду...» (Цетин, 1960: 100).

На этом примере интересно проследить роль семейных советов при принятии решений в большой семье (сцена семейного совета показана и в фильме). За коллективным обсуждением проблемы всегда следует безапелляционное отцовское решение. Властное доминирование отца в семье можно рассмотреть как отражение власти госаппарата в советском обществе, а семейный совет – как микромодель советской демократии, когда свободные выборы были лишь ширмой единственно возможного авторитарного решения.

Мужская модель поведения, репрезентированная в текстах о

династиях, однозначна, и предполагает соблюдение принципа единства добродетелей, когда «присутствие любых из них требует присутствия всех остальных» (Макинтайр, 2000: 194). Это означает, что «хороший производственник», «хороший общественник» должен непременно быть «хорошим семьянином», а в целом – идеальным мужчиной:

Так все четверо Красновых стали трудиться в одном цехе, на одном участке. А примером им во всём, в работе, на заводе, поведении в быту, является их отец (Карпущенко, 1966: 2).

«Незнаменитая должность»

Пользуясь терминологией, описывающей домашнее пространство патриархальной семьи, перейдём к рассмотрению «женской половины». В фильме показано несколько женских характеров. Семья как единое целое моментально распадается, как только зритель фокусирует на них своё внимание. В этом случае чётче прочерчиваются дихотомии «дом» - «завод»; «домашний труд» - «производственный труд»; «женское» - «мужское». Можно предположить, что между этими сферами столько же общего, сколько общего между супругами Агафьей и Ильёй, которые ни разу не появляются в одном кадре, не беседуют друг с другом.

Фигура Агафьи Карповны является центральной среди женских характеров. Она являет собой типичный образ домохозяйки, которую можно увидеть то у плиты, то нянчащей внука, то жалующейся на «бытовую неустроенность» семьи. Однако легко можно себе представить, что по известности на заводе она может конкурировать с мужем, а может быть, даже со свёкром. Несмотря на то, что связь матери с династией можно назвать, в некотором роде, латентной, неформально она, безусловно, к ней принадлежит. Материнские функции Агафьи Карповны возводятся в ранг производственных. Рождение и воспитание детей для неё сродни постройке кораблей: «Двенадцатый корабль на моём веку, а помню название каждого, год, когда на воду спускали, как дни рождения своих детей». Идеология женского предназначения ограничивает её значимую социальную активность рождением детей - продолжателей рабочего, то есть отцовского рода. Вывести детей в большой мир - заводской - задача отца:

Она спокойна и приветлива, как и подобает женщине, выполнившей свой почётный человеческий долг. Вся жизнь её – бесконечные хлопоты. Легко ли воспитывать девятерых! Но она ни секунды не жалеет о том, что отдала себя без остатка детям (Алексеева, 1972: 57).

- Девять детей подарила мне и государству Марья Елисеевна, за что и получила от государства орден «Материнская слава» 1-ой степени, а от

меня – низкий поклон. И, заметьте, все, кроме одного, - химики!» – с гордостью говорит глава семьи, показывая свою фотолетопись знакомым (Цетин, 1960: 99-100).

Агафья Карповна номинирует свою позицию в общественном производстве как «незначительную», иными словами, незаметную, скрытую от заводского коллектива. Но «невидимыми» для коллег-мужчин остаются и другие, работающие женщины. Профессиональное разделение труда на заводе гендерно стратифицировано. Представительницы династии занимают рабочие места, уступающие по квалификации мужским (Дуня, жена Кости, - размётчица, помощница Матвея Дорофеича; Лида, жена Виктора, работает на заводской вахте). Чаще всего женщине достаётся вспомогательное производство и, соответственно, все атрибуты элитного статуса рабочего получает мужчина:

На филиале эта семья хорошо известна. Глава семьи Сергей Прокофьевич – ветеран производства. <...> Сегодня он слесарь-лекальщик, имеет пятый производственный разряд, изготавливает различные мерительные инструменты. <...> Слесарь-лекальщик – ударник коммунистического труда, он награждён юбилейной медалью. <...> Жена Ефросинья тоже свой человек в коллективе. Работает в инструментальной кладовой. <...> Дело хлопотное. Но женщина успешно справляется со своими обязанностями (Фёдоров, 1970: 1).

Женщина, например, не может работать на стапеле. Оттого при появлении на участке Зины Ивановой Журбин и другие рабочие ведут себя с ней утрированно вежливо, с иронией. В случае неудач, проблем на производстве в качестве объяснения причин промаха выступает апелляция к «женской природе»: «Вот пожалуюсь Илье, скажу: «Может невестка твоя знаменитых внучат тебе рождает, а на работе - бракодел»». Эксклюзивное умение - хорошо работать - это мужской ресурс; от женщины, по сути, этого и не требуется. Порой её профессия даже не упоминается в текстах:

Я всю блокаду собирал танковые моторы, мать (жена - О.Т.) тоже работала на заводе в меру своих сил (Карпущенко, 1968: 1).

В семье Журбиных женщине простили бы даже низкую производительность труда на производстве, но только не отсутствие противостояние интересам семьи, коллектива строителей судов. В этом плане интересно показан случай исключения. Лида, жена Виктора, избегает семейных практик обсуждения постройки кораблей и модернизации производства, участия в коллективном досуге (семья часто собирается вместе петь песни, сочинённые Виктором). Для Лиды *личная*

семейная жизнь, проявление *личных* чувств – способ растабуирования возможности самостоятельного принятия решений, не зависящий от воли семьи. «Только и разговоров, что про корабли. Про любовь забыли». У всех остальных членов семьи наличие личных интересов вытеснено, поглощено заводскими. Дуня недоумённо вопрошает: «Ну, какие такие собственные интересы? <...> Ну, какая такая личная жизнь, когда никаких интересов нет?» Илья выносит суровый приговор – «бестолковая баба».

Потерю Лиды (в итоге эта женщина просто покидает дом) семья воспринимает как поражение, оскорбление, угрозу распада династии. Тем острее воспринимается «измена» невесты Алексея, Кати Травниковой. Один из лучших рабочих завода, передовик, Алексей оставлен ею ради никчёмного и безответственного стареющего заведующего клубом. Тема любви возникает вновь, и вновь приобретает негативную окраску. Чувства Кати обмануты, она и её ребёнок брошены, и единственное её спасение – возвращение в семью Журбиных.

Чётко определена дихотомия: внебрачная связь, любовные похождения Кати (чтение её любовником книги о мадам де Пампадур ещё раз указывает на порочность их отношений) и официальный брак, освящающий любовь-товарищество в семье Журбиных. На вопрос внучки «что такое настоящая любовь?» дед Матвей приводит в пример брак со своей женой: «С венчания до смерти не было меж нами ни ссор, ни несогласий».

На примере характеров Лиды и Кати показан вариант реализации свободы выбора, выбора новой возможности, а не закономерности. В качестве возможности выхода за рамки определённости, поиска своего пути женщинами используется попытка проявления сексуальности, личных чувств и переживаний. Все эти попытки приобретают драматические последствия, и иной развязки в данной ситуации быть не может.

Сглаживание каких-либо проявлений индивидуальности интересно показано на примере требований к женской привлекательности. Она никоим образом не должна подчёркиваться. «Что Вы, я не пудрюсь, Илья Матвейч!», - бросает Зина пришедшему к ней домой Илье Журбину. Традиционная женственность здесь вынесена за скобки увлечённости заводским производством, повышения образования, а может быть, совсем «непрописана».

С другой стороны, женская красота существует, но она артикулируется лишь в терминах рабочей доблести. По сути, красота не в физической привлекательности, а в красоте труда, трудовых достижениях:

Помню, Лидия Семёновна Герасимова, секретарь парткома, позвонила: «Юля, тебя вызывают в райком партии – на приём в Кремль пойдёшь. Фиделя Кастро увидишь». Я ушам своим не верю.

Переспросила её. Она в трубку смеётся: «Не робей, Юля. Ты ведь у нас родовитая – из рабочей династии. Не посрами честь коллектива. Оденься понаряднее. Должна быть самой красивой» (Доронина, 1975: 45).

«Правильная» женственность, как и мужественность, находят свои истоки в работе, принадлежности к трудовой, заводской культуре. Вне заводского труда они либо не существуют, либо разворачиваются в проблемных, острых ситуациях.

Фильм начинается рождением человека, заканчивается рождением корабля с одним и тем же именем. Таким образом, он как бы заключён в смысловые скобки, логический круг замыкается. Рождение корабля – продолжение рождения человека, и наоборот. Даже наименование корабля «Матвеем Журбиным» далеко не однозначно, остаётся невыясненным, в чью честь названо судно: в честь старшего или младшего Матвея. Поставив под сомнение свою причастность к имени корабля («Смотри, Дорофеич, чьего имени?» - «А почему моего, может, его?»), дед Матвей как бы передаёт свои полномочия правнуку, происходит символическое наследование фамилии, профессии, статуса хозяина на заводе и дома. Рождённый в семье Журбиных, маленький Матвей словно ещё раз рождается вместе с новым кораблём. Приведённый на завод своим прадедом, он принимается заводским, по большей части, мужским сообществом. Смена поколений рабочего класса продолжается.

Заключение

Патриархальной принято называть такую семью, в которой доминантным типом отношений являются кровнородственные, предполагающие явную зависимость жены от мужа, а детей от родителей. Главенство мужа осуществляется благодаря сосредоточению в его руках экономических ресурсов и принятию основных решений, в связи с чем и происходит жёсткое закрепление ролей (Голод, 1998: 92). Дух освободительной революции 1917 г. пришёл на смену такому «закабалению». Тем не менее, власть отцов, как освобождённая энергия, нуждалась в некотором направляющем русле. В официальном дискурсе происходит возвращение к семье, полностью контролирующей практики и социальные действия своих членов. Дискурсивное формирование определённого типа семьи – рабочей династии, а точнее, дискурсивное наделение этих семей определённым набором черт, становится одним из механизмов классовой политики государства.

Официальное установление и одобрение многопоколенности в рабочей среде в определённой степени было нацелено на использование ресурса мужского доминирования. Сосуществование поколений, по

определению, не может быть эгалитарным по причине разницы в ресурсах, опыте и т.д. Очевидно установление власти старших, а в маскулинной рабочей среде - власти старших мужчин. Проблематизация, постоянное акцентирование внимания на происхождении снова и снова отсылает к главенствующей роли отца в семье и в жизни молодого человека вообще. Мужчина волевым решением предопределяет судьбу детей, отводит место женщине в семье и на производстве, учит жизни всех родственников.

Даёт ли фильм ответ на вопрос, «что такое патриархат по-советски»? Очевидно, следует говорить о лингвистической, а, следовательно, и смысловой подмене терминов. Термин «патриархат» в его исконном смысле здесь стоит употреблять с некоторыми оговорками. Вот лишь один пример. Если патриархальные отношения в дореволюционной семье (например, поддержание родительского авторитета) были самоцелью, то для советской дискурсивно озвученной семьи они, скорее, средство для достижения иных целей. Лояльность по отношению к режиму и экономическая продуктивность - вот цели распределения, казалось бы, скрытого домашними стенами разделения ролей. Глава семьи – лишь проводники мифа о величии советского рабочего класса, который, как кровь по венам, распространяется по ветвям рабочего рода.

В советских текстах, посвящённых рабочим династиям, происходит постоянное жонглирование терминами родства в процессе заводского труда и производственной лексикой в домашней сфере. Эта лингвистическая путаница стирает и без того тонкую для семьи грань между публичным и приватным. В итоге, кто эти люди друг другу? Братья, коллеги, наставники? Фильм иллюстрирует, как озвученный в советском дискурсе приоритет семьи в действительности исчезает и подменяется приоритетом «большой семьи» – рабочим классом; а родственные и гендерные отношения - классовыми.

Библиография

1. Ashwin S. (ed.). (2000). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* London, Routledge.
2. Finch J. (1996). *Family Responsibilities and Rights*, in Bulmer M. and Rees A. (eds.). *Citizenship Today. The Contemporary Relevance of T.H.Marshall*. London, UCL Press.
3. Fitzpatrick S. (2000). *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia*, in S.Fitzpatrick (ed.). *Stalinism*. London, Routledge.
4. Hellbeck J. (2001). *Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts*, in *The Russian Review* 60: 340-59.

5. Koenker D. (1995). Man against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Socialist Workplace, in *The American Historical Review*, Vol.100, Issue 5, 1438-1464.
6. Kenez P. (1992). *Cinema and Soviet Society, 1917-1953*. Cambridge, Cambridge University Press.
7. Kharkhordin O. (1997). *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. London? University of California Press.
8. Kukhterin S. (1996). Fathers and Patriarchs in Communist and Post-Communist Russia, in Ashwin S. (ed.). (2000). *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. London, Routledge.
9. Lane C. (1981). *The Rotes of Rulers. Ritual in Industrial Society – The Soviet Case*. Cambridge etc., Cambridge University Press.
10. Lapidus G. (1977). Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective, in D. Atkinson et al (eds.). *Women in Russia: a Developmental Perspective*. Stanford, Stanford University Press, 115-138.
11. Maynard S. (1989). Rough Work and Rugged Men: The Social Construction of Masculinity in Working-Class History, in *Labor/Le Travail. Journal of Canadian Labour Studies* 23: 159-169.
12. Pravda A. (1982). Is There a Soviet Working Class?, in *Problems of Communism* 31, 1-24.
13. Брежнев Л. (1978). Кадровым рабочим и представителям трудовых династий Пермского машиностроительного завода им. В.И.Ленина, в Л.Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т.6. М., Поитиздат.
14. Гарфутдинов Х. (1978). Роль традиций советского рабочего класса в воспитании молодого поколения, в *Вестник Московского университета* 1, 45-52.
15. Гладкова И. (1960). Потомственные ткачи Орловы, в сб. *Дорогой отцов. Очерки о рабочих династиях*. М., Молодая гвардия.
16. Голод С. (1998). *Семья и брак: историко-социологический анализ*. СПб., ТОО ТК»Петрополис».
17. Доронина Р. (1975). История одной семьи, в сб. *Рабочие династии*. М., Московский рабочий.
18. Здравомыслова Е., Тёмкина А. (1999). Социальная конструкция гендера и гендерная система в России, в сб. В.Успенская (общ. ред.). *Феминизм и гендерные исследования*. Тверь, 83-90.
19. Карпущенко В. (1966). Семья патриотов, в *Кировец*, 6 мая, стр.2.
20. Карпущенко В. (1968). Из династии сталеваров, в *Кировец*, 19 июля, стр.1.
21. Кировский завод: История производственного объединения в иллюстрациях (1981). Л., Лениздат.
22. Коллонтай А. (1999). Социальные основы женского вопроса, в сб. . В.Успенская (общ. ред.). *Феминизм и гендерные исследования*. Тверь, 111-119.

23. Кон И. (1997). Сексуальная культура в России: клубничка на берёзке. М., ОГИ.
24. Коростелёв Г. и др. (1978). Рабочие династии и воспитание молодого поколения, в *Социологические исследования* 4: 129-132.
25. Коткин С. (2001). Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация»), в сб. *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период*. Самара, Самарский университет.
26. Кравченко А. (1979). Таков он, рабочий род, в сб. *Династии строителей*. Киев, Будівельник.
27. Лебедева Н., Хабибулина Р. (1972). Советский рабочий класс. Традиции и преемственность поколений. М., Мысль.
28. Макаренко А. (1940). Лекции для родителей. М., Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР.
29. Макинтайр А. (2000). После добродетели. М., Академический проект.
30. Малышева М. (2001). Современный патриархат. Социально-экономическое эссе. М., Academia.
31. Мацковский М. (1986). Социальная политика в сфере брачно-семейных отношений: новые акценты, в сб. М.Панкратова (отв. ред.). *Семья как объект социальной политики*. М., ИС АН СССР, 18-40.
32. Миллетт К. (1999). Теория сексуальной политики, в сб. В.Успенская (общ. ред.). *Феминизм и гендерные исследования*. Тверь, 120-132.
33. Никольская Л. (1975). Рабочий, сын рабочего, в *Кировец*, 5 ноября, стр.3.
34. Пушкарёва Н. (1997). Женщина в русской семье: традиции и современность, в сб. В. Тишков (отв.ред.). *Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994-1995 гг.* М., Институт этнологии и антропологии РАН, 187-197.
35. Фёдоров М. (1970). Отец, мать, сын, в *Кировец*, 16 октября, стр.1.
36. Цепин Ю. (1960). Люди чудесной профессии, в сб. *Дорогой отцов. Очерки о рабочих династиях*. М., Молодая гвардия.
37. Ярская-Смирнова Е. (1998). Социокультурная рецепция гендерных отношений, в сб. Е.Р.Ярская-Смирнова (ред.). *Социокультурный анализ гендерных отношений*. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 47-49.